Безумству храбрых поем мы песню. (Из серии рассказов о сотнике Полтавского куреня Иване Григорьевиче Суре).

Зарубежный поход Ивана Сура, казака 5-го конного полка, начался 30 августа 1828 года и закончился 12 февраля 1832 года, то есть длился 3 года и 5 месяцев. За это время полк принял участие в Русско-Турецкой войне 1828-1829 годов на Балканах и в подавлении Польского восстания 1831 года. А наш Иван за храбрость и мужество при осаде крепости Силистрии в июне 1829 года был произведен в урядники и к своему Знаку отличия Военного ордена Св. Георгия, полученному им за героическую оборону куреня Полтавского в 1820 году, добавил серебряные медали за русско-турецкую войну и за взятие Варшавы, а также серебряный крест за военные достоинства в польской войне 5 степени.

Черноморский казак обязан был 1 год служить и 3 года находиться дома, на хозяйстве. Сколько же льготных лет должны были получить казаки 5-го конного полка за три с половиной года непрерывной службы?

Не успел Иван насладиться домашним покоем и счастьем в окружении родителей и любимой жены, как уже через 10 месяцев 250 казаков 5 конного полка были призваны на укрепление границы, в их число вошел и наш урядник Иван Сур.

«Командиру 5-го конного полка Господину Войсковому Старшине и Кавалеру Павленко, ***17 ноября 1832 года.***

По случаю наступивших морозов река Кубань покрывается льдом, который вскоре укрепится, и злонамеренные горские народы неминуемо будут делать набеги на наши границы. Дабы неприятель наш не мог иметь успеха и нанести нам вред, необходимо сделать подкрепление кордонных отрядов.

Сколько бы я не желал отвлекать еще до некоторого времени казаков из их домов, но безопасность и благосостояние общее требует обеспечить

более границу. Почему предлагаю Вашему Высокоблагородию по получении сего тот час распорядиться из вверенного вам полка сколько можно поспешнее и непременно на 25 число сего месяца командировать пополнение: в Мышастовскую станцию 100 конных казаков с одним офицером и двумя урядниками с полным воинским оружием, зимним одеянием и пятидневным собственным провиантом под командою есаула Быстрого-Лазаренко. На таком же основании командировать пятьдесят казаков при офицере и двух урядниках в Каракубанскую станцию и сто казаков при офицере и двух урядниках в Ольгинский кордон, или где нужно признает командир 9 конного полка ***Подполковник Кривцов****, под распоряжение которого отряд из вверенного вам полка поступает.*

Надеясь на усердие ваше и известную заботливость, я буду ожидать от вас исполнения сего в совершенной точности. И желая дать вам к тому средства, препровождаю при том четыре бланковых билета на взимание обывательских лошадей без прогонов нарочным вашим, которых вы будете командировать для сбора козаков.

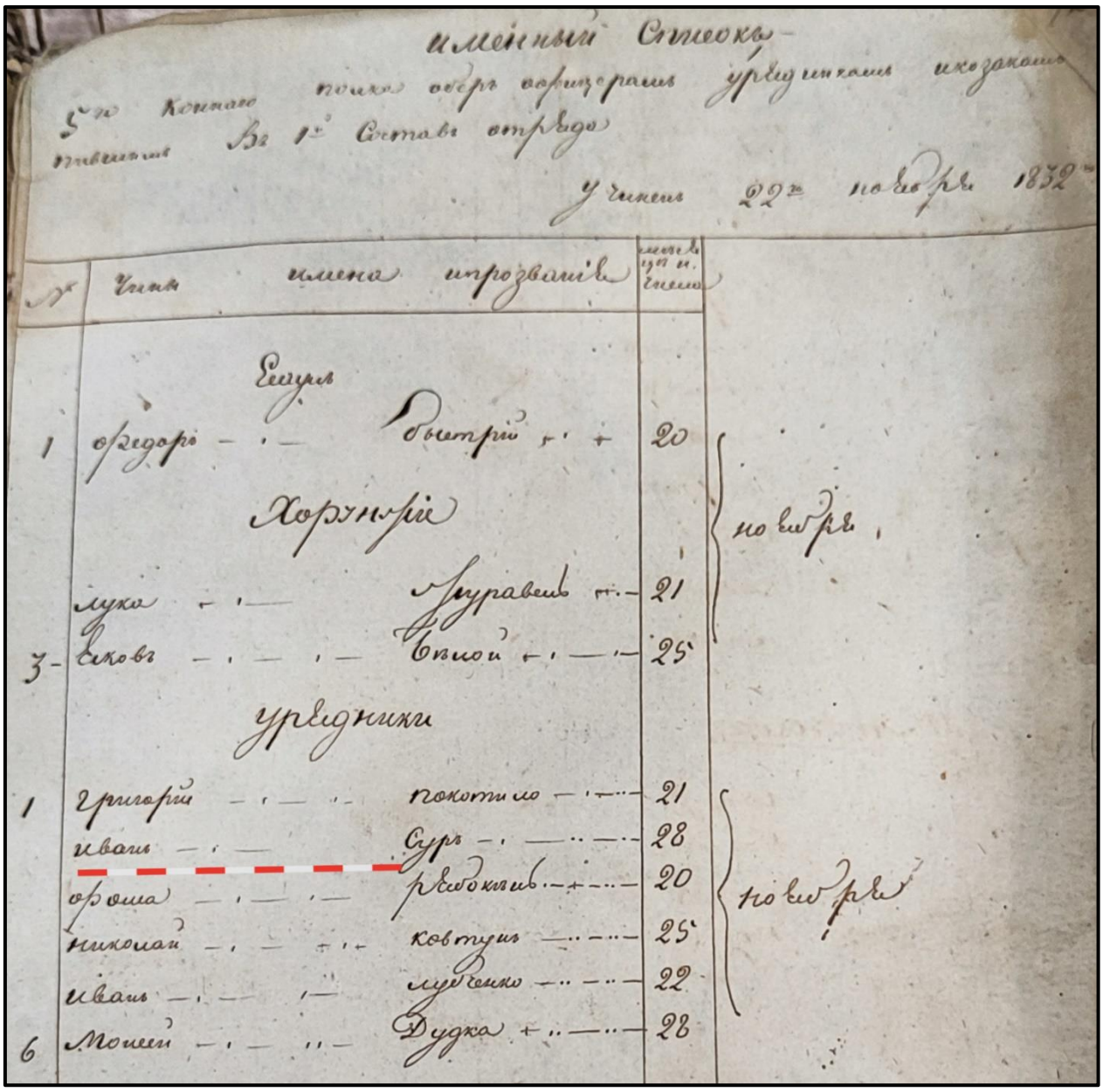
По исполнении сего мне донести, а Есаулу Быстрому-Лазаренку поставить в обязанность представить ко мне именной список офицерам и урядникам кои будут назначаться в сей отряд, а казакам перечневую ведомость, и чтобы он об успехе сбора козаков в назначенные им места начал доносить мне по истечении семи дней после получения сего предписания, каждодневно, для чего прилагается пять летучих карт.

Генерал-Майор Заводовский, Екатеринодар».

Граница – Черноморская кордонная линия (ЧКЛ) – ряд оборонительных укреплений (посты-кордоны, пикеты, батарейки, залоги-секреты, казачьи разъезды) на правом берегу реки Кубань. Все объекты кордонной линии находились в постоянном взаимодействии и были единой системой. Граница жила, дышала своей напряженной жизнью.

В те годы она была разбита на 4 части, каждую из которых содержал один казачий полк.

9 конный полк под командованием подполковника Кривцова, в распоряжение которого попал отряд-подкрепление из 5 конного полка, охранял в то время 3-ю часть пограничного кордона, в которую входили посты: Ново-Екатерининский, Ольгинский со штаб-квартирой полка, Славянский, Ерковский.



Именный Списокъ
5-го Конного полка обер офицерамъ урядникамъ и козакамъ
поступившимъ Въ 1-й Составъ отряда
Учиненъ 22-го ноября 1832-го

№	Чинъ	имена и прозваніе	лѣтъ и.	
	Енсуръ			
1	Ѳедоръ	Дмитрій	20	ноября
	Хорунжій			
	Лука	Муравьевъ	21	
3	Сковъ	Сѣдой	25	
	Урядники			
1	Григорій	Покотило	21	ноября
	Иванъ	Суръ	28	
	Ѳрола	Рыбокляв	20	
	Николай	Ковтунъ	25	
	Иванъ	Лученко	22	
6	Моисей	Дудка	28	

Рисунок 1. Часть Именного списка 5-го конного полка обер-офицерам, урядникам и казакам, поступившим в 1-й состав отряда. Учинен 22 ноября 1832 года.

В зависимости от получаемых сообщений лазутчиков казаки из пополнения направлялись на укрепление разных участков границы. Обратимся к формуляру Ивана Сура:

*«**7 декабря 1832** года был в открытии* (обнаружении – Е.С.) *закубанских черкес, переправлявшихся было на нашу сторону в дистанции **Новоекатериновского** поста при переправе в Марьянский кут.*

18 декабря** направлен в дистанцию **Славянского поста». Прочитаем, как выглядел этот пост. *«Укрепление оное обнесено с трех сторон дерновым бруствером с канавою* (рвом – Е.С.). *А с 4-й от Кубани-реки наполовину плетневой изгородью, в середине, в аршин высотой, призбою* (двойной плетень, набитый землей – Е.С.). *С тремя батареями* (бастионами – Е.С.). *С воротами и форткою* (калиткою – Е.С.)*»*. Участок линии, охраняемый постом, назывался дистанцией этого поста.

Пикет представлял собой уменьшенную версию поста. Он мог быть просто огорожен плетнем, в некоторых, как и на постах, имелся небольшой земляной вал, иногда ров, дозорная вышка, а вместо казармы строился скромный шалаш или маленькая мазанка. Гарнизон пикетов не превышал 10 человек. Пикеты строились между постами в количестве от 5 до 8 штук.

25 декабря урядника Ивана Сура отправили на второй пикет вверх (против течения реки) от Славянского поста начальником небольшого отряда, состоящего из **8 казаков 9 конного полка**: **Довгополого** Алексея Кирильева, **Харченко** Андрея Лазарева, **Савусь** Степана Прокофьева, все трое из куреня Петровского, **Щербины** Евсея Михайловича из Березанского?, **Жадана** Семена Макарова из Новодинского, **Самойленко** Леонтия Ивановича, **Филипенко** Ивана, **Ляшко** Федора; и **6 казаков 5 конного полка**: **Потея** Федора Гордеевича из Батуринской, **Зуба** Максима из Елизаветинской, **Беглинко** Авраама из Каневской, **Мечета** Петра из Леушковской, **Забулы** Дорофея из Полтавской, **Парафило** Ивана из Переяславской. Всего: **один урядник и 14 казаков.**

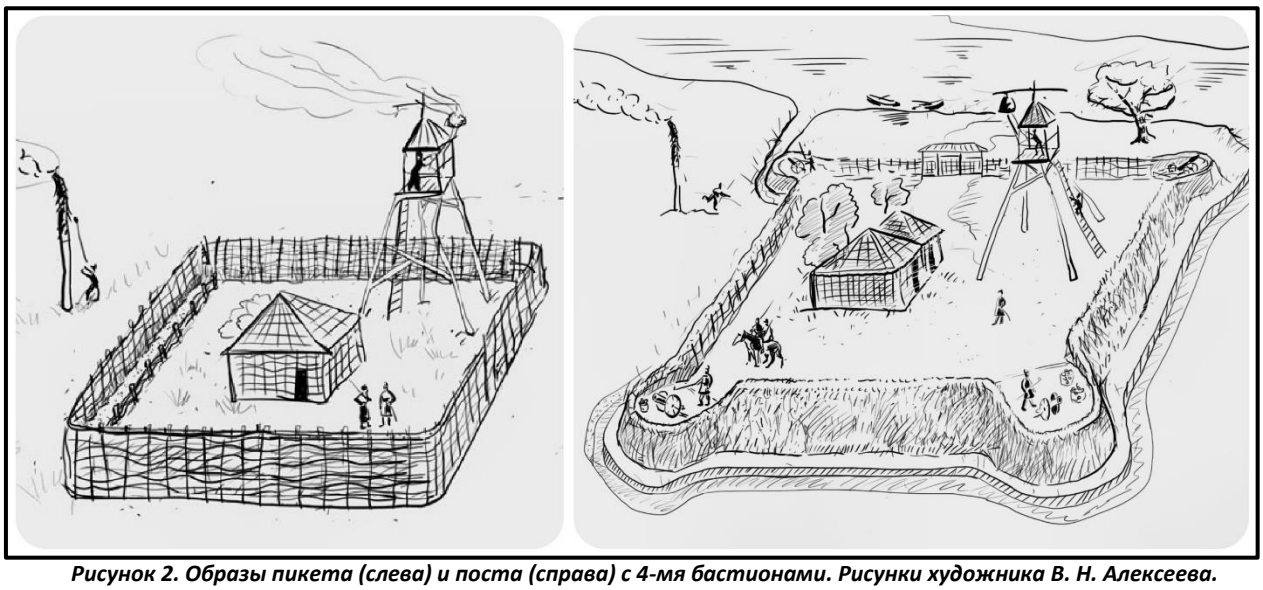


Рисунок 2. Образы пикета (слева) и поста (справа) с 4-мя бастионами. Рисунки художника В. Н. Алексеева.

«27 декабря при защите пикета, состоящего близ Славянского поста, от многочисленной толпы черкес, напавших было на оный, и за оказанное в сем деле мужество и храбрость Всемилостивейше произведен в 1833 году в чин хорунжего» - из формуляра Сура.

Что же это было за дело, за которое наш Иван Григорьевич был награжден чином Хорунжего?

Давайте познакомимся с этой историей в следующем порядке: приказ Генерал-Лейтенанта Малиновского, бывшего в то время командующим Черноморской линией, обрисовывающий общую картину события, потом рапорты участников этих сражений и в заключение часть карты Черномории с указанием места действий всех отрядов.

«Приказ по Черноморской линии,

г.Екатеринодар, 30 декабря 1832 года.

«Войска, бывшие назначенными для действия против закубанских хищников 25, 26, 27 числа сего декабря, оказали отличное усердие и неутомимость. Неприятель, перейдя в больших силах в границы наши в третьей части кордонов и оставивши у Кубани сильные резервы, устремился было прямо к Полтавскому селению, но быстрое движение отрядов наших из

селения Ивановского под начальством Исправляющего должность Наказного Атамана Войска Черноморского господина Генерал-Майора ***Заводовского*** *и с Протоцкой батарейки 200 человек козаков под командою Войскового Старшины* ***Завгороднего****, устрашило его, и он, не дойдя пяти верст до селения, возвратился. А услышавши позади себя пушечный огонь, открытый отрядом Подполковника* ***Крывцова****, который преодолев все препятствия более 8 верст трудной дороги, смело атаковал резервы неприятеля, спас 13 человек храбрых козаков, засевших в пикете, и около двух часов с мужеством отражавших толпы раздраженных хищников, и принудил неприятеля в бегство за Кубань искать спасения, а чрез занятие места их прорыва, заставил их в рассыпном бегстве искать других переправ.*

По чему приятным долгом поставляю изъявить совершенную мою признательность господину Генерал-Майору Заводовскому, Подполковнику Крывцову, Войсковому Старшине Завгороднему и Артиллерии капитану Кишинскому, за точное выполнение всех моих распоряжений, равномерно искренне благодарю и все войско в сем движении и в деле с неприятелем участвовавшее. Генерал-Лейтенант Малиновский».

Рапорт начальника Ольгинского поста и командира 9 конного полка Подполковника Кривцова.

«Сего числа утром, **перед восходом солнечным,** осведомился я, что неприятель в больших силах переправится ниже Тиховского пикета, и пойдет на селения Ивановское или Полтавское. Почему привел я в исполнение следующее: отряд квартирмейстера Кравчину с пятнадцатью человеками исправнейших козаков отправил для наблюдения за движением хищников и оперативного доставления мне сведений, одновременно послал нарочных донести о переправе неприятеля командующему Черноморской линией Генерал-Лейтенанту Малиновскому и капитану Жердеву в Новоекатериновский пост. Вскоре, собрав двести человек конницы и пехоты при двух артиллерийских орудиях, прибыл на Тиховский пикет, где получил

новые сведения о том, что неприятель в чрезвычайно больших числах сделал переправу между третьим и четвертым пикетами вверх от Славянского поста и что на втором пикете, мимо коего неприятель должен был проходить, **вопреки моему распоряжению**, **Есаул Коробка оставил на оном пеших: одного урядника при тринадцати человек-казаках**. Руководствуясь чувством человеколюбия и долгом своей обязанности, и несмотря на то, что впереди было 8 верст тесного прохода, заросшего камышом и бурьяном, я решил следовать для спасения второго пикета. Прибыл туда форсированным маршем, нашел оный атакованный неприятелем. Не теряя времени, приказал открыть огонь артиллерии, которая удачными выстрелами заставила неприятеля снять атаку и вести одну перестрелку. Бросившаяся стремительно на неприятеля пехота и кавалерия завершила занятие неприятельской позиции и обратила его в бегство, заставив убраться на свою сторону.

Рапорт Наказного Атамана Черноморского казачьего войска Генерал-Майора Заводовского.

«По получении от наших Лазутчиков достоверных сведений, что шапсуги и абазехи, собрались в большом числе и намерены прорваться в наши границы 26 или 27 прошедшего декабря с решительным предположением разграбить одно из пограничных селений, находящегося во 2-й части кордона. С отрядом, составленным по распоряжению Командующего Черноморской линией Генерал-Лейтенанта Малиновского, при котором он и сам находился, 25 числа выступили из ***Екатеринодара в Марьянское селение.***

26 числа лазутчики известили, что толпа закубанцев 27 числа непременно предполагает идти на Ивановское или Полтавское селение, но больше на Ивановское, посему отряд наш и двинулся в сие последнее селение. 27 числа вместе с наступлением утра пушечные выстрелы на Кубани возвестили о появлении неприятеля, а нарочный посланный Начальником 3-й части пограничного кордона командиром 9-го конного полка Подполковником Кривцовым, дал знать, что горцы проходят чрез Кубань ниже Тиховского

пикета в дистанции Славянского поста, вслед затем другой нарочный уведомил, что более тысячи конных хищников, пройдя внутрь границы нашей устремились ***к Полтавскому селению****, истребляя огнем попадавшееся на пути сено, почему я, по распоряжению Генерал-Лейтенанта Малиновского, поскакал с отрядом к сему селению, в том предположении, чтобы неприятеля не допустить к разграблению оного.*

Приближаясь к нему, услышал пушечные выстрелы, увидел зажженное неприятелем сено и отрядил команду в ту сторону для открытия (обнаружения – Е.С.) *хищников, а с остальным отрядом поспешил к Полтавскому селению. Но неприятель, бывший до него в пяти верстах, увидев отряд мой и потеряв таким образом надежду разграбить селение, поспешно обратился к Кубани, а так как лошади казачьи и артиллерийские от сильного движения, сделанного моим отрядом не более в два часа чрез 25-ти верстное расстояние были крайне утомлены, то я при всем поспешном марше, сколь силы позволяли, не мог достигнуть горцев и атаковать их с тылу.*

Но на пути бегства своего неприятель был преследуем командами нашими, расположенными по кордонной линии, нанесшими ему чувствительный вред.

Хищники возвращались с пределов наших на два пункта переправы. Одна прошла мимо Тиховского пикета на пушечный выстрел в кут и перешла за Кубань между 6 и 3 пикетами, другая таковая же часть или большая за Славянским постом около 1-го пикета на Каракубанский остров.

Потери с нашей стороны состоят: в атакованном пикете убито два казака, ранено три. Лошадей убита одна, ранена одна, пикетов сожжено в Славянской дистанции вверх по Кубани пять, вниз в 1-ом пикете на вышке крыша. Стогов сожжено: кордонного 84 стога, принадлежащего жителям куреней Полтавского и Ивановского полускирдов 18 и стогов 74. Неприятель понес потерю гораздо значительнее, судя по крови вокруг пикета и на поле битвы. Генерал-Майор Заводовский».

«Безумству храбрых поем мы песню!»

«Приказ по Черноморскому казачьему войску.

27 числа декабря 1832 года ***четырнадцать*** *казаков от 5 и 9 конных полков при* ***Уряднике Суре****, находились в пикете, отстоявшем от Ольгинского поста в 18 верстах, когда толпы черкес начали переправляться в пределы Черномории.* ***Зная, что удаление от пикета значило идти прямо в руки черкесам, а защищаться в оном, хотя и не было надежды уберечь его и самим остаться в живых, но по крайней мере оставалась уверенность в том, что черкесы взять пикет не смогут без великой потери с их стороны, то и решили сражаться до последней возможности, запершись в оном пикете, огороженным довольно редким плетнем. Хищники, человек более трехсот, большая часть пеших, атаковали пикет, открыли по нему сильный ружейный огонь и требовали от казаков сдаться. Но храбрецы, не теряя присутствия духа и несмотря на то, что лишились уже двух товарищей убитыми и двух раненных, будучи ободряемы урядником Суром, отвечали на то пулями, поражая врагов, и поклялись защищаться до последнего. Оскорбленный силой упорства козаков, неприятель решил взять пикет штурмом и потому бросился на него, подрубая колья плетня шашками, но несгибаемые защитники, до прибытия к ним отряда на помощь, более двух часов стойко отбивались от хищников и не допустили взятия пикета, и все при сем случае показали самоотвержение от жизни.***

Государь император по всеподаннейшему докладу господином военным министром о сем, Высочайше повелеть соизволил: Урядника Сура произвести в Хорунжие, 12 казаков, оставшихся в живых, в Урядники и 3-х человек из них, наиболее отличившихся, наградить знаками отличия военного Ордена. Награда поистине царская, достойная отличного подвига доблестных защитников отечества.

Храбрые Черноморцы! С душевным удовольствием объявляю вам о сей монаршей Милости для того, чтобы всякий из вас следовал столь

достохвальному примеру своих сотоварищей и доставлял приятнейший мне случай доводить чаще о подобных подвигах ваших высшему моему Начальству, которое не оставит всегда ходатайствовать у Монаршего Престола о достойном вознаграждении каждого из вас.

Пребывая в уверенности, что столь достойная награда отличившимся воинам приятна будет каждому их сослуживцу, я предписываю Господам полковых и артиллерийских рот Командирам прочитать приказ сей пред фронтом полков и рот.

Исправляющий должность наказного Атамана Войска Черноморского Генерал-Майор Заводовский».

Рисунок 3. Схема действий отрядов 26 – 27 декабря 1832 года.

27 декабря, рано утром, многотысячная толпа черкес, переправилась через реку Кубань ниже Тиховского пикета в 3-й части ЧКЛ. Начальник этой части границы командир 9 конного полка подполковник Кривцов послал нарочных Генерал-Лейтенанту Малиновскому и в Новоекатерининский пост с

сообщением о нападение. Сам же с отрядом из 200 казаков с двумя артиллерийскими орудиями из Ольгинского кордона поспешил к Тиховскому пикету, где получил известие, что вопреки его распоряжению, казаки со второго пикета не были сняты и сейчас ведут неравный бой с превосходящими силами противника.

Я низко кланяюсь подполковнику Кривцову, который решил идти на выручку горстки казаков. Это был большой риск, ведь горцы могли чего-то испугавшись, повернуть назад и всей массой двинуться к переправе, которую должен был проходить Кривцов с отрядом, чтобы попасть к пикету, в котором засела и сражалась команда урядника Сура.

Хорошо известны случаи, когда небольшие отряды казаков, оставшись один на один с превосходящими силами противника, геройски погибали, не дождавшись помощи:

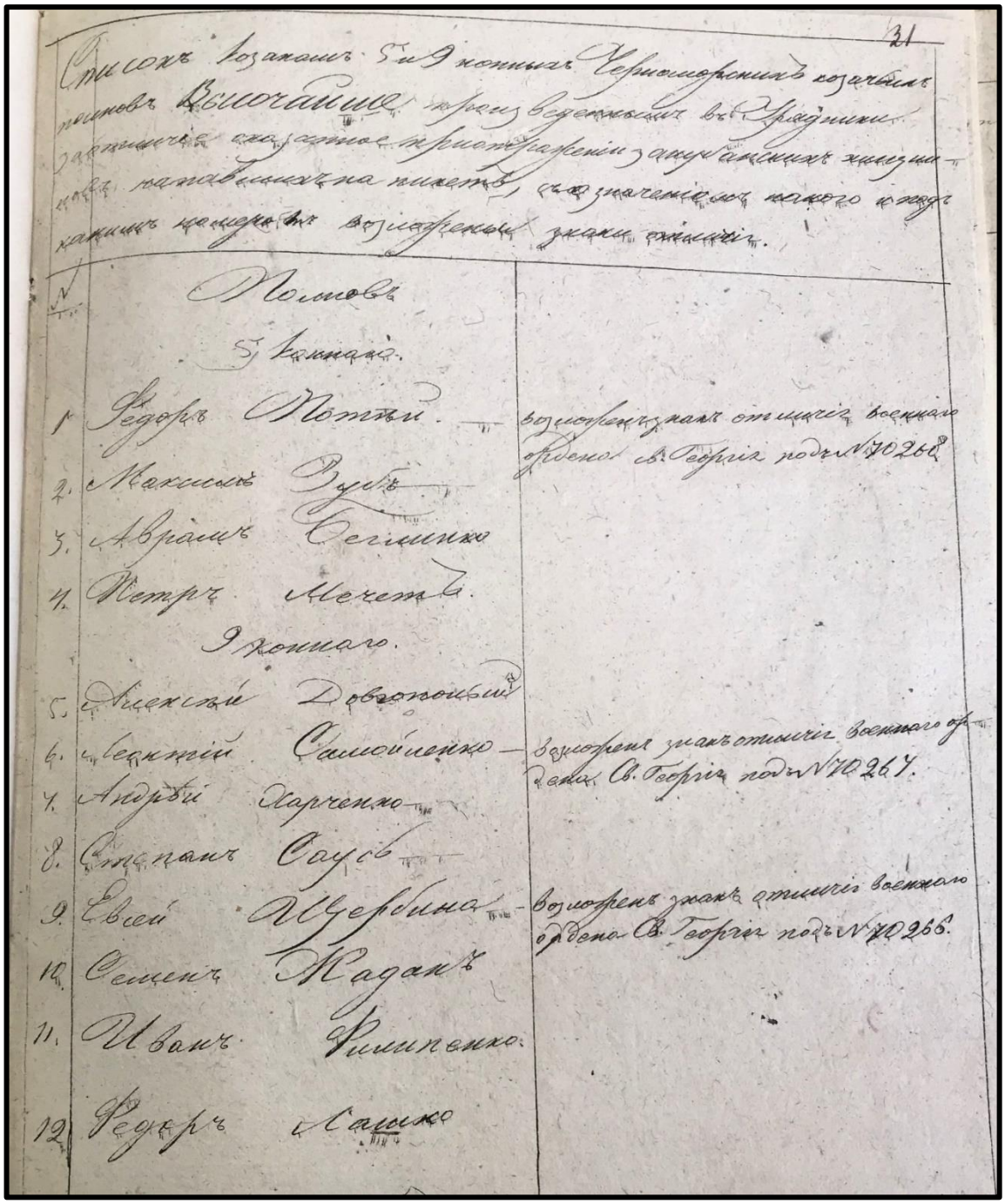
18 января 1810 года 4 тысячная толпа горцев переправилась на нашу сторону и понеслась на разграбление селений Ивановского и Старонижестеблиевского. Отряд казаков под командованием полковника Льва Тиховского не остался под защитой рва и вала Ольгинского укрепления, а поспешил к переправе, чтобы не дать возможность хищникам угнать в плен захваченных ими стариков, женщин и детей. В неравном бою погибло 147 казаков. Помощь пришла слишком поздно. **Тиховские поминовения.**

14 сентября 1829 года полсотни казаков станиц Тифлисской и Казанской, возглавляемые сотником Гречишкиным Андреем Леонтьевичем, в неравном бою с полчищем черкес погибли, не дождавшись помощи, хотя вестовой с сообщением о нападении был отправлен в ст. Казанскую. Но помощь не пришла. **Гречишкинские поминовения.**

4 сентября 1862 года при защите от многотысячной толпы горцев Георгиевского поста у реки Липки 34 казака под командованием сотника Ефима Горбатко, геройски погибли, также не дождавшись помощи. **Липкинские поминовения.**

Если бы не подполковник Кривцов, отмечали бы мы сегодня еще и Суровские поминовения.

Но ведь надо помнить не только о погибших героях, но и воздавать должное тем, кто, *«показывая самоотвержение* (готовность жертвовать собой для общего блага – Е.С.) *от жизни»* остались живы, благодаря и своему мужеству, и храбрости тех, кто пришел к ним на помощь.



31

Списокъ козакамъ 5 и 9 конныхъ Черноморскихъ казачьихъ полковъ Высочайше произведенныхъ въ Урядники за отличіе и особое проявленіе заслугъ, оказанныхъ жизнью — какъ нижеписанныхъ на листѣ, съ означеніемъ какого и подъ какимъ номеромъ возложены знаки отличія.

№			
	Полковъ 5 конныхъ.		
1.	Федоръ	Потѣй	возложенъ знакъ отличія военнаго ордена Св. Георгія подъ № 70266
2.	Максимъ	Дубъ	
3.	Авраамъ	Сегинко	
4.	Петръ	Мечетъ	
	9 конныхъ.		
5.	Алексѣй	Дрвогопобый	
6.	Василій	Самойленко	возложенъ знакъ отличія военнаго ордена Св. Георгія подъ № 70267.
7.	Андрѣй	Харченко	
8.	Степанъ	Саусь	
9.	Евсей	Щербина	возложенъ знакъ отличія военнаго ордена Св. Георгія подъ № 70266.
10.	Семенъ	Жадань	
11.	Иванъ	Рипненко	
12.	Федоръ	Сашко	

Рисунок 4. Список козакам 5 и 9 конных Черноморских казачьих полков, Высочайше произведенных в Урядники, с означением на кого и под каким номером возложены знаки отличия.

В рапортах, выложенных выше, наблюдается небольшая путаница с количеством казаков на пикете. Но для подачи документов для награждения всех учли правильно. Двенадцать оставшихся в живых казаков произвели в урядники, а троих из них наградили знаками отличия военного ордена. Правда, здесь без нюанса не обошлись. Подполковник Кривцов, немного забыв, что пикет защищали еще и казаки из 5-го казачьего полка, выбрал троих для награждения из 9-го конного. С этим, наверное, не согласилось командование 5-го конного. В результате Знаки отличия военного ордена получили: один казак из 5-го полка **Федор Потий** и 2 казака из 9-го **Леонтий Самойленко** и **Евсей Щербина** (см. рисунок 4).

Я же хочу рассказать о двух погибших казаках, которым не достались ни почести, ни награды.

В рапорте Подполковника Кривцова Генерал-Майору Заводовскому от 30 декабря 1832 года встретилась такая фраза: *«порубленный шашками казак 5-го конного полка оказался жив и отправлен в полтавский лазарет для пользования* (лечения – Е.С.). *Лошадей казачьих одна убита, одна ранена».*

Из рапорта от 29.12.1832 года Есаула Быстрого командиру 5-го конного полка господину Войсковому Старшине и кавалеру Павлову: *«27 числа сего месяца при нападении закубанских хищников на наши пределы в дистанции Славянского поста из вверенного мне отряда казак 1-й сотни куреня Полтавского* ***Дорофей Забула*** *с лошадью убит и 3-й сотни куреня Переяславского* ***Иван Парафило*** *ранен и отправлен в Полтавский лазарет»* и из его же рапорта от 22.01.1833 года: *«казак, находившийся с 28 прошлого декабря в пользовании в оном лазарете* ***Иван Парафило умер 17-го сего января».***

Пикет охраняли пешие казаки, но в нем обязательно имелись 1-2 лошади для того, чтобы при обнаружении хищников, пробирающихся на нашу сторону, иметь возможность оповестить об этом начальника ближайшего поста. Рискну предположить, что и Дорофей Забула, и порубленный шашками

Иван Парафило, были такими гонцами. Вечная слава героям! Жаль, что в те времена посмертно не награждали.

А что же наш Иван Сур, имя которого прогремело в те годы от окраин до самого Санкт-Петербурга? Оно звучало в прошениях и рапортах следующих лиц: исправляющего должность наказного атамана Черноморского казачьего войска Генерал-Майора Заводовского, командующего Черноморской линией Генерал-Лейтенанта Малиновского, исправляющего должность начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса Генерал-Майора Вольховского, дежурного штаб-офицера Подполковника Лещенко, командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории Генерал-Лейтенанта Вельяминова, Господина Военного министра, а от него уже весть о славном подвиге 15-ти черноморцев дошла и до Государя-Императора Николая I.

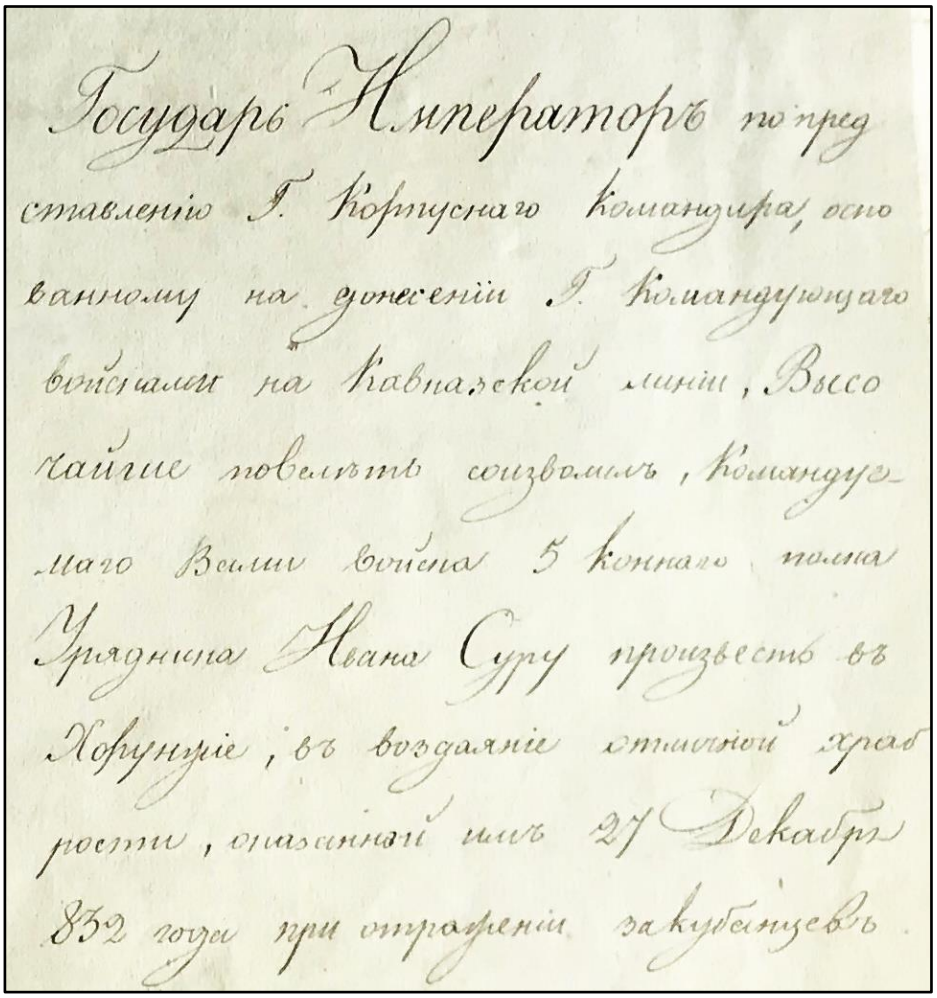

Государь Императоръ по пред
ставленію Г. Корпуснаго Командира, осно
ванному на донесеніи Г. Командующаго
войсками на Кавказской линіи, Высо
чайше повелѣть соизволилъ, Командуе-
маго Всемъ войска 5 коннаго полка
Урядника Ивана Суру произвесть въ
Хорунжіе; въ воздаяніе отличной хрра
рости, оказанной имъ 27 Декабря
832 года при отраженіи закубанцевъ.

Рисунок 5. Часть рапорта Наказному атаману Заводовскому из Штаба Командующего на Кавказской линии и в Черномории.

Подписав Указ о присвоении Уряднику Ивану Сура звания Хорунжего, Николай 1, впечатлившись подвигом казаков, за ужином, на котором присутствовали и будущий император Александр Николаевич, и родной брат императора Великий Князь Михаил Павлович, рассказал о пятнадцати смельчаках, решивших погибнуть, но не сдаться многочисленной толпе разъяренных горцев. Михаил Павлович, вспомнив свое путешествие по Черномории в 1817 году, подумал: «А может один из этих героев был в тех конвоях, которые сопровождали меня по этой земле?». И это действительно было так! Конвой, в состав которого входил тогда еще козак Иван Сур, сопровождал Великого князя до Копыльской переправы.

А наш герой, избежав смерти, повторил свою любимую поговорку: **«Бог не без милости, а казак не без доли** (не без счастья)» - продолжил службу.

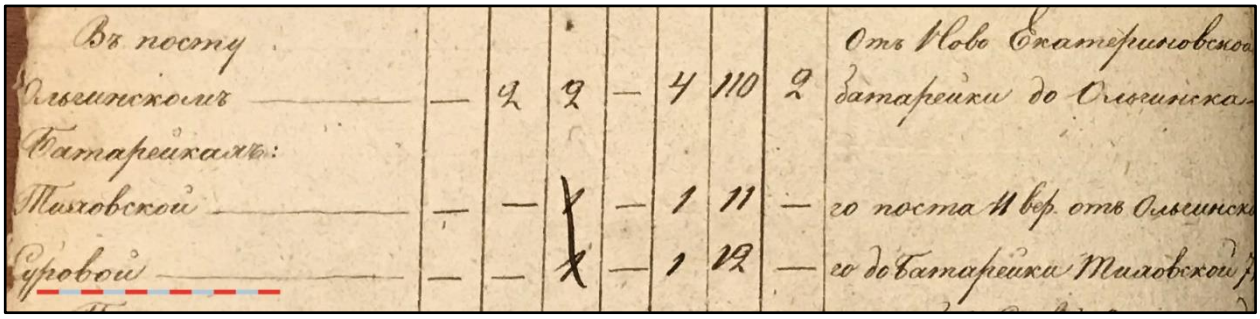
Из формуляра Ивана: *«15, 16, 17 января при переправе близ Новоекатериновского поста; 29 и 30 числа того же года января в экспедиции за кубанью и при занятии в большом числе неприятельского скота»*.

В начале февраля отряд-пополнение 5-го конного полка был распущен по домам.

Впоследствии второй пикет преобразовали в батарейку, которая получила название Суровой (Суровской).

Батарейки были ещё одним видом укреплений ЧКЛ. Их устанавливали между постами и пикетами в возможных местах форсирования реки. Гарнизон батарейки был больше, нежели гарнизон пикета. Название укрепления пошло от обязательного наличия на батарейке хотя бы одного орудия.

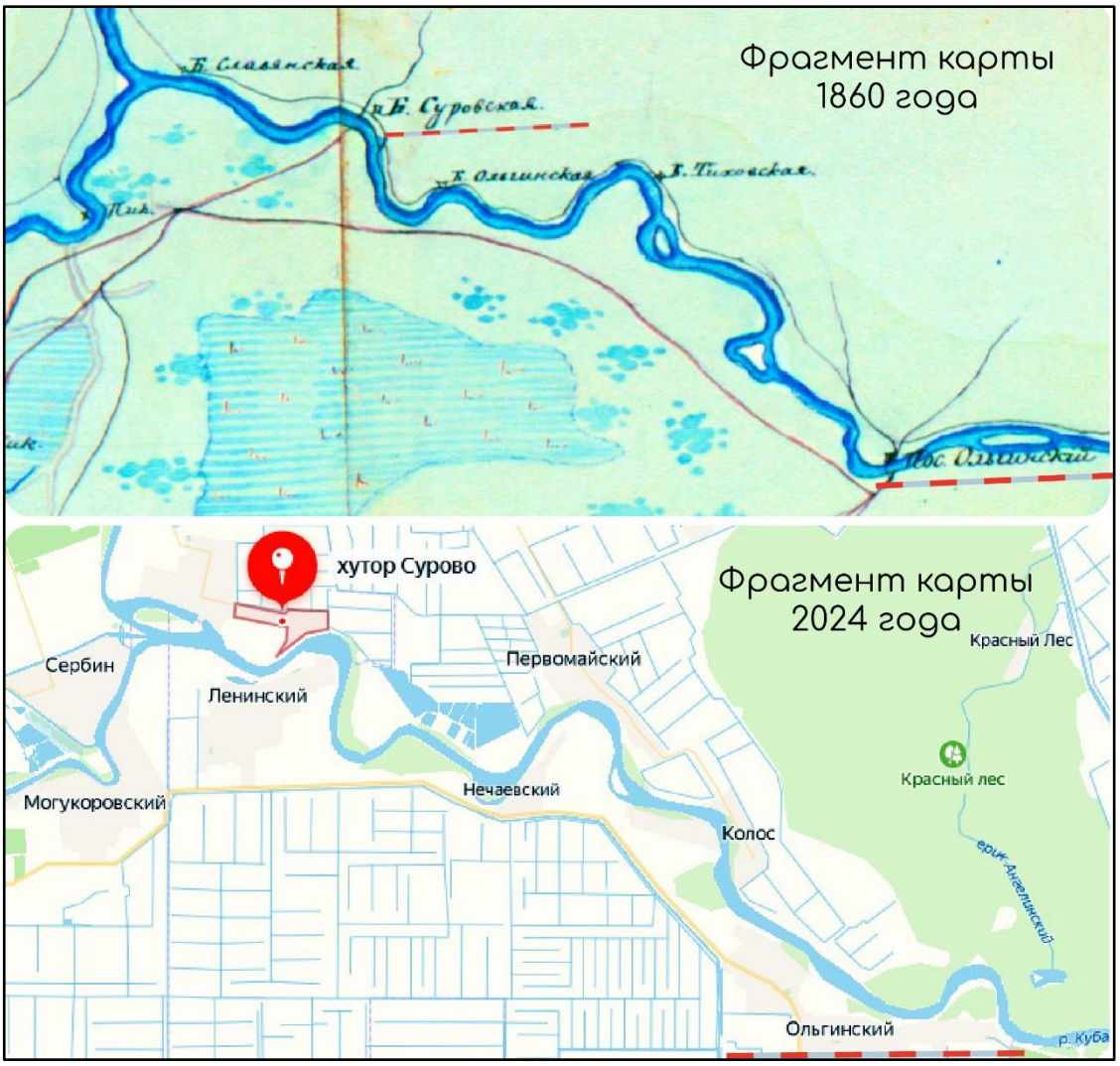
В деле «о состоянии постов, батареек и пикетов и о расположении в оных войск» за 1843 год Суровая батарейка была описана следующим образом: *«людей: приказных казаков - 1, казаков – 12; одна трехфунтовая пушка; лошадей: строевых казачьих и казенных артиллерийских – 10, подъемных собственных – 2»*.



Въ посту Ольгинскомъ	—	2	2	—	4	110	2	Отъ Ново Екатериновской батарейки до Ольгинска-
Батарейкахъ:								
Тиховской	—	—	1	—	1	11	—	го поста 11 вер. отъ Ольгинск
Суровой	—	—	1	—	1	12	—	го до батарейки Тиховской

Рисунок 6. Описание батарейки Суровой.

Сейчас на месте этой батарейки расположен хутор Сурово. Земля помнит своих героических защитников. Давайте и мы не будем о них не забывать!



17 марта 2024 года Елена Сабур (Собур)